

В ГАГАРИНА

629.8(092)

Г-12

КАЖДЫЙ ГОД 12 АПРЕЛЯ

Судьба

Характер.

Время.

ПАМЯТЬ (вместо пролога)

Не помню, чьи это слова: «Не вечен человек. Но память о нем может стать вечной, если он жил для людей. Память — благодарность живых».

О его подвиге написаны документальные повести и романы, стихотворения и песни на многих языках мира, сняты кинофильмы. А каким космонавт-1 был в повседневной, будничной жизни, среди друзей, близких?

Вехи жизни Юрия Гагарина знают сегодня все. Детство в Гжатске, ремесленное училище в подмосковных Люберцах, переезд в Саратов, техникум, аэроклуб. Первый самостоятельный полет. Летное училище в Оренбурге. Снимок на память в новеньком офицерском мундире. Заполярье. Вступление в партию. Отряд космонавтов, подготовка к полету. И вершина его жизни, звездный час человечества. 12 апреля 1961-го...

Нет, пожалуй, назвать этот день вершиной его жизни будет не совсем верно. Вершина — это значит, что дальше путь вниз, подъем завершен. Юрий мечтал о новых вершинах. Он мечтал о движении. В нем видел смысл человеческого бытия.

«Один-единственный шаг к вершине накладывает на человека, его сделавшего, особую печать, которую, хочешь ты или не хочешь, носить приходится. И она требует: «Будь достоин самого себя, дерзнувшему!» — это его слова.

Я замечаю: подробности жизни Юрия Гагарина

интересуют людей в наши дни даже больше, чем сразу же после 12 апреля 1961-го. Многих в то время волновал сам факт: Человек в космосе! Многие (если говорить о сегодняшнем поколении) еще не родились. Теперь, свыше двух десятилетий спустя, космонавтика шагнула далеко вперед. Человечество знает уже немало замечательных подвигов космонавтов, аплодирует небывалому взлету технического прогресса, мечтает о более сложных, масштабных космических свершениях.

Теперь уже не только граждане СССР и второй «космической» страны — США, но и многих социалистических стран поднимаются в необозримые просторы Вселенной «дорогой Гагарина». Люди уже не одиночками, а группами и не часами и сутками, а многими месяцами живут и работают на космических орбитах. Однако никто не забыл, что все началось весной 1961-го с одного-единственного «гагаринского» витка вокруг Земли. И живой интерес к тому, как готовилось и проходило это событие, продолжает возрастать. Люди, думающие о настоящем и будущем, хотят все больше знать о прошлом.

Каким был он?

Я не стану торопиться с ответом на этот вопрос. К тому же однозначно на него не ответишь. Признаюсь: не хочу я и упреков в предвзятости. Я не вела дневников, а потому не смогу во всей полноте восстановить картину прошлого, о котором сохранилась случайная запись или отдельная деталь в памяти. Эта книга, быть может, станет какой-то частью целого, частью жизни — моей, нашей семьи, Юриных друзей и просто знакомых.

Не стану переубеждать тех, кто склонен считать его подвиг случайностью. Есть «случайности» закономерные, подготовленные всей предшествующей жизнью. Подвиги совершают мужественные люди. Но разве не требуется настоящее мужество, чтобы, скажем, не поддаться на лесть, твердо пресечь подхалимство и славословие? Чтобы не согнуться под бременем славы и не принять на свой счет многое из того, что сделано другими? Чтобы без обвиняков сказать горькую правду в глаза? И ту же правду выслушать в свой адрес? И разве не требуется величайшее мужество и самообладание, чтобы честно и

прямо разобраться в своих поступках, своих ошибках, заблуждениях?

Тогда, в апреле 1961-го, требовались настоящая отвага и мужество, чтобы сесть в «космический шарик», как иногда называют «Восток», и, не думая о собственной судьбе, унести в безграничное звездное пространство. Но еще труднее было не упиваться своим подвигом, а оставаться рядовым той огромной армии труженников — конструкторов, ученых, инженеров, рабочих, врачей, испытателей, которая продолжала творить и созидать ради великой цели. Циолковский сформулировал ее так: «Приготовить человечеству великое будущее и соединить с покорением космоса».

Мужество в обыденной жизни... Это, наверное, прежде всего верность делу, верность долгу — простые на первый взгляд слова, но именно они наиболее точно и емко определяют характер человека. А космонавт-испытатель — это характер вдвойне. Инженерам в конструкторском бюро, операторам в Центре управления полетом, пожалуй, легче — их много, и ошибся один, так может выручить другой. В полете, на борту корабля, космонавт — один. Так было в первые годы штурма космоса.

Было... Был... О таких, как Юрий, трудно говорить в прошедшем времени. И пусть вот уже который год весна приходит без него, он среди нас, в памяти и в сердце. И слова его: «Мы просто делали свое дело» — приобретают теперь особый смысл.

Каждый раз, когда разговор заходит о Юрии Гагарине, я испытываю особенное чувство. Радостное потому, что он мне особенно дорог — мой друг, мой муж, отец моих девочек. А тревожное потому, что многое из того, что написано о нем, на мой взгляд, не выражает в полной мере сути его характера, не показывает его таким, каким он был.

Не скрою: в этот раз я вновь терзаюсь сомнениями, сумею ли рассказать читателю о Юрии именно как о человеке, а не только как о космонавте, понимая в то же время, что разделить это в Гагарине нельзя.

Он был заботливым сыном, внимательным мужем, любящим отцом; он был членом школьного родительского комитета, возглавлял техническую комиссию Федерации водно-лыжного спорта, он был

членом ЦК ВЛКСМ и президентом Общества советско-кубинской дружбы; он писал книги и статьи, выступал по радио, ездил в командировки, выполнял нелегкие партийные и депутатские поручения... Он учился в Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского, много читал, любил возиться с детьми, находил время для друзей... Он был одержим своей работой. Он хотел летать и готовился к этому. Каждый день.

Я и сейчас помню все дни, когда он бывал грустным и усталым, расстроенным и даже злым. Но я не помню его равнодушным, безразличным, бесстрастным... Он никогда не был таким. Он жил для людей.

Больше его не будет — ни нежной открытой улыбки, ни искринок в задорных глазах, ни взрывного динамизма, ни мечты, устремленной в завтра, но до сих пор его друзья, близкие, товарищи по работе говорят о Гагарине не в прошлом, а в настоящем времени. Разный след оставляют на земле люди... Научные открытия и симфонии, сады и архитектурные ансамбли, книги и художественные полотна, технические сооружения и героические подвиги. Но есть и еще один, пожалуй, самый важный след — память, которая остается о них у других. Такой яркий след оставил в человеческой памяти воспитанник Ленинского комсомола, коммунист Юрий Алексеевич Гагарин.

Прошло более двадцати лет со времени легендарного подвига советского народа — осуществления первого в мире полета человека в космическое пространство, а кажется, что все случилось только вчера. Простое русское гагаринское лицо, его очаровательная улыбка, его шутки и страстные выступления в защиту мира, его воспоминания о 108 минутах свидания с космосом, рассказы о нашей стране, которыми он щедро делился на всех континентах планеты, до сих пор памятны людям.

И каждый год 12 апреля его товарищи и друзья повторяют: «Мы должны сделать то, что не успел сделать он. Мы обязаны жить и работать с его энергией и энтузиазмом, с его верой и преданностью нашему общему делу, не жалея сил, а если требуется — и самой жизни».

Они верны этой клятве.

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ

Если бы кто-нибудь, пытаясь узнать, что люди думают сами о себе, о прожитых годах, распространил анкету, в которой был бы один-единственный вопрос: «Что в вашей жизни было самым главным, самым важным, самым значительным?» — то Юрий наверняка бы ответил, что самого главного важного и значительного у него еще не было, что оно впереди. Иначе зачем тогда жить?

Жизнь — это долг, хотя бы она была мгновением, — так сказал Гете. Эти слова, прочитанные однажды, глубоко запали Юрию в сердце... Свое назначение он понимал так: быть человеком ответственно, быть первым ответственно вдвойне. Вот что основное в его характере, его натуре.

Не сразу он открылся мне таким. Не сразу таким стал. Но было в нем что-то, что крепло и росло с годами. Я не знаю, как точнее это назвать. Наверное, строгость. Строгость к себе. Строгость в большом и малом... И еще доброта.

Откуда в Юре внимание и любовь к людям? Любовь искренняя и бескорыстная... Откуда его стремление помочь человеку, разделить чужую беду, подставить свое плечо пошатнувшемуся?

О характере Юры можно сказать словами его матери Анны Тимофеевны. Кто мог знать его лучше, чем мать, которую он очень любил?

«Он был очень веселый, редко злился и не любил ссор, наоборот, шуткой и смехом всех мирил. И его все любили. Он общим баловнем был. Да вы посмотрите на Юрины фотографии — лицо у него всюду счастливое. Этим он и приметен...»

И еще приметным в нем было с детских лет то, что он все сам старался делать, а понуканий не терпел. Потому я и норовила так подстроить, чтобы он своим умом догадался, за какое дело взяться. Бывало, забудешься, прикрикнешь: «А ну, за уроки!» — и пожалеешь: не в охотку ему занятия из-под палки.

Не любил Юра принуждения, но родителям старался быть в помощь. У иных людей слов о труде много хороших, а дети видят: говоришь сладко, а работаешь шатко... Из-под рук Алексея Ивановича

(это отец Юры.— В. Г.) ни одной вещи, плохо сделанной, не вышло. Хоть дом, хоть скворечня, хоть палочка-чижик. И Юрины игрушечные самолетики тоже долго жили. Он с детства все делал основательно и от задуманного — кол у него на голове теши! — не отступится».

Все это так. И все это служит ответом на вопросы, которые я задаю себе, да и не только я. Ответ на эти вопросы ищут и уже повзрослевшие мои девочки — Лена и Галя, которые в чем-то своем, пусть малом, но хотят повторить отца. Думаю и верю, что это им удастся. Общим...

У каждого времени есть особые приметы: свои события, свои игры, свои мальчишки. Мальчишки Юрино детства ходили в рубахах с чужого плеча, ели мороженую картошку, имели один учебник на полкласса и играли в войну, хотя она была все время с ними рядом.

Когда Юра учился в первом классе, произошло одно событие, в общем-то незначительное, но он запомнил его на всю жизнь. Над селом, где жила семья Гагариных, пролетали два самолета с красными звездами на крыльях. Первые самолеты, которые Юрию довелось увидеть. Один из них был подбит в воздушном бою, и летчик тянул его из последних сил на болото, поросшее кувшинками и камышом. Самолет упал и переломился, а летчик, молодой парень, удачно выпрыгнул над самой землей.

Рядом с болотцем опустился второй самолет. Пилот не оставил товарища в беде. Мальчишки, среди которых был и Юра, сразу же побежали туда. Они жадно вдыхали незнакомый запах авиационного бензина, рассматривали рваные пробоины на крыльях, трогали обшивку кабины и заглядывали внутрь, косясь на летчиков, которые зло жестикулировали руками, ругали кого-то, и понять из их разговора можно было только то, что дорого достался фашистам этот исковерканный краснозвездный ястребок.

Когда один из пилотов расстегнул кожаную куртку, на его гимнастерке блеснули ордена. Это были первые ордена, которые увидел Юра. И глядя на искореженный самолет, он понял, какой ценой достаются военные награды.

Каждый в селе хотел, чтобы летчики переночевали именно у него в доме. Но они провели ночь у самолета. Мальчишки тоже остались с ними. Поживаясь от холода, перебивая молодой сон, они не спускали с героев слипающихся глаз. Наутро летчики улетели на одном самолете. А в душе Юры осталось какое-то странное, ранее неизведанное чувство: хотелось летать, водить в небе самолет и быть таким же храбрым и красивым, как эти двое.

Но мечта была еще не до конца осознанной, далекой, а жизнь — суровой и горькой. Оккупация, зрелище угоняемых в Германию молодых людей, детей, среди которых находились старшие брат и сестра Юры, повальные обыски и грабежи, зверства фашистских солдат, кровавые зарева пожаров...

Издательство «Детская литература» попросило Юрия Алексеевича написать небольшую книжку для детей, рассказать о себе, о своем детстве. «Какой же из меня писатель? — отказывался Гагарин. — Я летчик, и мне легче писать фигуры в небе...» Его уговаривали, обещали помощь. Отказываться он не любил и, вздохнув, согласился: «Попробую, но не уверен, что получится».

Скажу откровенно: не все у него получилось. И времени не хватало, и «ключик», как он говорил, никак не мог найти к этой книге. Мучился данным обещанием, но отступить от своего слова не мог.

У нас дома хранятся черновые наброски, которые он делал, работая над книгой. Вот лишь три разрозненных отрывка, но по ним, как мне кажется, можно судить о Юрином восприятии детства:

«Мама наша, так же, как и отец, в молодости не смогла получить образования. Но она много читала и многое знает. Она могла правильно ответить на любой вопрос детей... Очень я люблю свою маму и всем, чего достиг, обязан ей». И далее: «В нашей семье авторитет отца был непререкаем. Строгий, но справедливый, он преподавал нам, своим детям, первые уроки дисциплины, уважения к старшим, любовь к труду».

«...Пятый класс нашей гжатской школы был активным. В День Победы тех, кто учился только на «отлично», приняли в пионеры. Мне тоже повязали красный галстук. Пионерская жизнь была ключом: выступления в духовом оркестре, занятия в круж-

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66